

Чего не может сделать Богдыхан / сказка

Category: Ertekiler, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Чего не может сделать Богдыхан / сказка ЧЕГО НЕ МОЖЕТ СДЕЛАТЬ
БОГДЫХАН

Всесильный богдыхан много видел при своем дворе людей ловких, людей хитрых, и ему захотелось увидеть счастливых людей.

– Я – солнце, которое золотит только вершины гор и лучи которого никогда не падают в долины! – сказал он себе и приказал своему главному обер-церемониймейстеру принести список низших чиновников.

Церемониймейстеры принесли 666 свитков, каждый в 66 локтей длины, на которых еле-еле уместились все имена.

– Сколько их, однако! – сказал богдыхан и, указав на имя мандарина 48 класса Тун-Ли, приказал главному обер-церемониймейстеру:

– Узнай, что это за человек!

Приказания богдыхана исполняются немедленно, и не успел бы богдыхан сосчитать до 10000, – как главный обер-церемониймейстер вернулся и с глубоким поклоном сказал:

– Это твой старый служака, всесильный сын неба. Честный, скромный чиновник и примерный семьянин. Он отлично живет со своей женой, и они воспитывают дочь в благочестии и труде.

– Да будет ему радость! – сказал богдыхан. – Я хочу осчастливить его взглядом моих очей. Пойди и объяви ему, что в первый день новой луны он может представиться мне со своим семейством.

– Он умрет от счастья! – воскликнул главный обер-церемониймейстер.

– Будем надеяться, что этого не случиться! – улыбнулся добрый богдыхан. – Иди и исполни мою волю.

– Ну, что? – спросил он, когда обер-церемониймейстер возвратился во дворец.

— Твоя воля исполнена, как святая, всемогущий сын неба! — простираясь ниц перед богдыханом, отвечал главный церемониймейстер.

Твое милостивое повеление было объявлено Тун-Ли при громе барабанов, звуках труб и ликующих возгласах народа, славившего твою мудрость!

— И что же Тун-Ли?

— Он казался помешанным от радости. Никогда еще мир не видел такого радостного безумия!

День представления Тун-Ли ко двору приближался, казалось, медленно, — как все, чего мы ждем. Богдыхану хотелось поскорее взглянуть на счастливого человека, — и однажды вечером он, переодевшись простым кули, с проводником отправился в тот далекий квартал Пекина, где жил Тун-Ли. Еще издали слышны были крики в доме Тун-Ли.

— Неужели они так громко ликуют? — удивился богдыхан, и радость расцвела в его душе.

— Несчастнейшая из женщин! Презреннейшее из существ, на которое когда-либо светило солнце! — кричал Тун-Ли. — Да будет проклят тот день и час, в который мне пришло в голову на тебе жениться! Поистине, злые драконы нашептали мне эту мысль!

— Мы живем триста лун мужем и женой! — со слезами отвечала жена Тун-Ли. — И я никогда еще не слыхала от тебя таких проклятий. Ты всегда находил меня милой, доброй и верной женой. Хвалил меня.

— Да, но мы не должны были представляться богдыхану! — с бешенством отвечал Тун-ли. — Ты покроешь меня позором! Ты сделаешь меня посмешищем всех! Разве ты сумеешь отдать тридцать три грациозных поклона, как требуется по этикету?.. Мне придется сквозь землю провалиться со стыда за тебя и за дочь. Вот еще отвратительнейшее существо в целом мире! Урод, какого не видывало солнце!

— Отец! — рыдая, отвечала дочь Тун-Ли. — Отец, разве не ты называл меня красавицей? Своей милой Му-Сян? Своей кроткой Му-Сян?

Разве ты не говорил, что милее, лучше, послушнее меня нет никого в целом мире?

– Да! Но нога в два пальца длиною! – с отчаянием восклицал Тун-Ли. – Я уверен, что богдыхан умрет от ужаса, увидев такую ногу-чудовище.

– Меня растили не для того, чтобы носить в паланкине! – плакала бедняжка Му-Сян. – Мои ноги для ходьбы. Я должна ведь выйти замуж за такого же скромного и бедного чиновника, как ты, отец. Меня воспитывали для труда.

– Будь проклято твое уродство, когда надо представляться богдыхану! – закричал вне себя Тун-Ли.

В эту минуту у дверей раздался удар гонга, и в горницу вошел ростовщик.

– Ну, что же, Тун-Ли? – спросил он. – Обдумал ты мои условия?

– Но мы умрем с голода, если примем твои условия! – прошептал Тун-Ли, от ужаса закрывая ладонями лицо.

– Как хочешь! – пожал плечами ростовщик. – Но помни, что время идет. Если ты будешь медлить, – мы не успеем сделать ни синего шелкового платья с золотистыми рукавами для тебя, ни зашитого шелками платья для твоей жены, ни расшитого цветами платья для твоей дочери.

Ни всего того, что необходимо, чтобы представиться ко двору. Что ты будешь тогда делать?

– Хорошо, я согласен... согласен... – пробормотал Тун-Ли.

– Так помни же, чтобы не было потом споров. Я делаю тебе все это, а ты в каждую новую луну отдаешь мне три четверти своего жалованья.

– Но мы умрем с голоду! – воскликнул Тун-Ли, всплескивая руками.

– Возьми половину. Не убивай нас!

Тун-Ли, его жена и бедная маленькая Му-Сян ползали перед ростовщиком на коленях, умоляя его брать половину жалованья Тун-Ли.

– Ведь мы должны будем голодать всю остальную жизнь.

– Нет, три четверти жалованья каждую новую луну, – стоял на своем ростовщик, – последнее слово: согласен ты или нет?

И Тун-Ли, рыдая, отвечал:

– Хорошо, делай!

– О, небо! – прошептал богдыхан, и слезы полились из его глаз.

– Не смей мне говорить этого! – закричал он в величайшем гневе, когда вернулся во дворец и главный церемониймейстер, по обычаю, распростерся пред ним ниц и назвал его «всесильным».

– Не смей мне лгать! – со слезами закричал богдыхан. – Какой я всесильный! Я не могу сделать человека счастливым!

И грустный, бродя по своим великолепным, благоухающим садам, он думал:

«Я – солнце, которое светит и греет только издали, и сжигает, когда приближается к бедной земле!»

Влас Дорошевич. Ertekiler